

Поэтому он запечатлел запах Яо Е, запомнил его силуэт, лишь надеясь, что когда Яо Е уйдёт прочь, нарисованная на нём мишень всё ещё будет жить в сердце.

Вглядываясь в идеал, шаг за шагом уверенно шёл по своей дороге, ожидая того момента, когда попадёт точно в цель.

Думал он так, а неприятное чувство снова накатывало, в носу щипало.

Лю Ян закрыл глаза, глубоко вдохнул. Утренний свежий воздух сделал круг в лёгких и был медленно выдохнут. Снова открыв глаза, он смотрел ясно и спокойно.

Он решил дать себе выходной, как следует отдохнуть, чтобы истерзанное постоянными нагрузками тело смогло расслабиться, и заодно прогнать из головы странную, необъяснимую грусть.

Лю Ян сделал небольшой крюк и зашёл на стадион посидеть.

Не знаю, связано ли это с приближением экзаменов, но людей на стадионе было жалко. Кроме десятка спортсменов из какой-то команды, игравших в футбол, совершенно не было видно тех, кто тренировался.

Трава на футбольном поле ухоженная, сочная и зелёная. Играющие были полны сил, крики о передачах постоянно разносились по воздуху, перемежаясь звонким смехом.

Лю Ян, увлечшись зрелищем, без долгих раздумий подбежал и попросил присоединиться.

Футболисты, люди простые и открытые, не стали смеяться над его юным возрастом и просто заново разделились на команды.

На зелёном поле маленький чёрно-белый мяч перелетал от ноги к ноге.

Молодые парни с голыми торсами горели азартом.

Лю Ян носился взад-вперёд, пот разлетался с волос, одежда окрашивалась в зелёный от травы, он смеялся залиvisto и свободно.

Самый прекрасный возраст, горячая молодость.

Моя новая жизнь.

Желаю всем спортсменам найти цель в этой жизни, и пусть твой уход не заставит меня потерять дорогу из виду.

Яо Е, мой тренер, счастливого пути.

Когда днём Лю Ян объявил, что на ужин добавится ещё один человек, Ван Ясинь надул губы и недовольно пожаловался на его нечестность. Ведь они договаривались звать только соседей по комнате, а он теперь привёл человека с таким высоким статусом, что он и проглотить-то ничего не сможет.

Лю Ян возразил ему, спросив, не лишняя ли нога или голова у Яо Е. Он ведь просто надел маску действующего спортсмена национальной сборной. Разве из-за этого пища не лезет в горло?

Маленький Ван Ясинь просто так, для порядка, пожаловался, но Лю Ян его так отшил, что тот не смог выдать ни слова и весь день дулся. А когда собрались уходить, даже делал вид, что идёт нехотя, и его пришлось буквально тащить.

Поскольку ужинали они в городе, все четверо парней из комнаты переоделись в гражданскую одежду. В обычное время этого не заметишь, но тут, нарядившись, они выглядели один краше другого: худощавые, крепкие, высокие — любой бы кивнул одобрительно.

Увидев их, Яо Е удивился и осторожно осведомился:

— Нужно ли мне, маленькие господа, вернуться и переодеться?

Лю Ян скользнул взглядом по его спортивному костюму и великодушно махнул рукой:

— Не нужно. Если ты переоденешься, как другие сразу поймут, кто здесь господин, а кто слуга?

Е Шувэнь утвердительно кивнул:

— Господин Лю прав, пусть всё так и останется.

Сказано это было с таким достоинством, спина прямая, а в глазах — надменность богатого наследника. Особенно в конце фразы он нахмурил брови, вскинул подбородок... тьфу, ну и вид.

Лю Ян мысленно похвалил парня за смекалку и, подражая ему, заложил руки за спину и пошёл, глядя перед собой подбородком:

— Господин Е, в какой ресторан мы направимся сегодня? В «Новый век» или в «Хайят»? Только предупреждаю, не заказывайте морские ушки, я их в последнее время переел, тошнит.

— М-м, — Е Шувэнь нахмурился и кивнул. — И ласточкины гнезда тоже не будем. Вчера вечером меня заставили съесть порцию, до сих пор тошнит. Может, лучше поедим змеиный ужин, для разнообразия? На пару, с солью и перцем, запечённый, в соусе — обязательно дикую змею, домашняя невкусная.

Ли Ипэн не захотел оставаться в стороне и вмешался:

— Какой смысл есть змею? Я говорю, давайте лучше австралийских лобстеров. Я знаю одно место, там вкус просто великолепный.

Ван Ясинь грубым голосом проревел:

— Я хочу стейк.

Е Шувэнь бросил на него презрительный взгляд:

— Я говорю, стейк для иностранцев — это что-то вроде риса для нас. Ты что, хочешь меня унижить? Или, может, у твоей семьи финансовые трудности, господин Ван?

— Я, я... — Ван Ясинь надул щёки, почесал затылок, а глаза у него стали круглые.

— Ладно, ладно, — Лю Ян решил сгладить углы. — Взгляни на его комплекцию — просто грубиян, не обращай на него внимания.

— Естественно, я, господин, великодушен, — Е Шувэнь усмехнулся, играя роль избалованного отпрыска.

— Хорошо, в конце концов, сегодня я угощаю. Если ничего не подходит, пойдём на французский ужин, в то место, куда мы ходили в прошлый раз. Улитки, паштет из гусиной печени — вкусно, заказывайте что хотите, не разорите вы меня.

— Фи, — Ли Ипэн презрительно скривился. — Есть французскую кухню здесь? Завтра мы возьмём частный самолёт и полетим во Францию есть настоящую. Как насчёт этого?

— Я, я хочу, хочу икру с акульими плавниками, — Ван Ясинь, поразмыслив над своим хрупким сердцем, наконец выдал с заиканием.

У всех повисли лица, они мысленно пытались представить вкус чёрной икры, смешанной с акульими плавниками.

Товарищ Лю Ян вздохнул, не удержался и погладил Ван Ясиня по голове, обращаясь к Е Шувэню:

— Этот парень действительно жалок, он знает только эти две вещи.

Молодой господин Яо уже давился смехом, не в силах выпрямиться, и, сдерживаясь, вставил свою реплику:

— Я говорю, господа, не спорьте больше. Недавно мадам отправила чёрного медведя в космос, и он вернулся. Может, сегодня вечером съедем космические медвежьи лапы?

Вот это уровень! Одной фразой он добавил высокие технологии, сохранил питательность, и в итоге получил общепризнанный деликатес. Вот это охват.

Конечно, в конце концов, из-за скудости кошельков господам пришлось смириться и отправиться в придорожную ларёчную забегаловку.

Они пришли рано, посетителей было немного. Ребята, просидевшие взаперти полгода, едва войдя в заведение, даже не стали выбирать столик, а схватили корзины и пошли набирать еду.

Молодой господин Яо был человеком утончённым и не стал с ними толкаться, спокойно выбрал место, сел и попросил у хозяина кипяток, чтобы обдать чашки и палочки.

Лю Ян первым вернулся с корзиной и, увидев, что Яо Е всё ещё сидит тут, немного удивился:

— Почему ты не пошёл выбирать еду?

Яо Е взглянул на содержимое его корзины, затем незаметно перевёл взгляд на слой перца, плавающий на поверхности котла, и слегка помрачнел.

Он покачал головой.

— Вы выбирайте сначала, или вы не дадите мне есть то, что выбрали сами?

Сказано верно. Лю Ян моргнул, добавил огня и с нетерпением стал ждать, пока закипит бульон.

Ван Ясинь был простым парнем: принёс целую корзину еды и, не дожидаясь закипания, свалил

всё в котёл.

Затем остальные, не желая отставать, тоже затолкали свои продукты.

Хозяин как раз подошёл добавить масла и, видя, как четверо ребят, похожих на африканских беженцев, варварски набрасываются на еду, испуганно закричал:

— Нельзя, нельзя! Так шашлычки не едят!

Лю Ян усмехнулся и ответил на сычуаньском наречии:

— Хозяин, глянь, мы ведь свои, сычуаньские, знаем, как это есть.

— Эй, у меня тут считают по палочкам, вы столько съедите?

— Конечно съедим. Ты же сам сказал, что считаем по палочкам, значит, всё, что в котле, тоже считается. Пусть хозяин заработает, чего ж тут.

Хозяин подумал, что логика есть, и, кивнув, ушёл.

Яо Е всё это время смотрел на Лю Яна, а когда они закончили, улыбнулся:

— Я не знал, что ты так чисто говоришь на общепринятом наречии и ещё знаешь сычуаньский.

Лю Ян косо на него посмотрел:

— Я ведь и есть сычуанец, ладно тебе.

— А, точно, — Яо Е словно прозрел. — Но когда ты говоришь по-сычуаньски, это так мило.

Лю Ян покраснел:

— Да ладно, в чэндуском диалекте язык короче, носовых больше, оно так и звучит. Ты уже месяц в Чэнду, разве не заметил?

Яо Е посмотрел на него и промолчал.

Ожидание, пока закипит котёл, всегда самое тяжёлое. Четверо ребят сидели кругом, глотали слюнки и уставились на котёл с видом готовых к битве воинов.

Молодой господин Яо поджался и прижался к спинке стула, словно перед лицом смертельной опасности.

— Эй, парень, будешь пиво? — хозяин издали крикнул Яо Е на сычуаньском.

Яо Е поднял три пальца и ответил на литературном языке:

— Пиво, три бутылки.

Лю Ян услышал и поднял голову:

— Тренер, ты что, пьёшь?